

С. Г. Кащенко, Е. С. Кащенко

**КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 Г. В ПРИГРАНИЧНЫХ
С ПРИБАЛТИКОЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ УЕЗДАХ ПЕТЕРБУРГСКОЙ
И ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
С ПРИМЕНЕНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ***

doi: 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-7-17

УДК 94(470)“1861”

ББК 63.3(2)522-210.6

Статья посвящена анализу результатов исследований экономических последствий крестьянской реформы 1861 г. в приграничных с территорией Прибалтики Ямбургском, Гдовском и Псковском уездах. Исследование проводилось с привлечением статистических методов и компьютерных технологий. В Эстляндской и Лифляндской губерниях к середине XIX в. аграрный вопрос до конца не был решен, хотя крепостного права здесь уже не существовало. Поскольку крестьяне были освобождены без земли, здесь наблюдался высокий градус социальной напряженности. Волнения крестьян в Эстляндии оказали влияние на процесс подготовки и реализации крестьянской реформы 1861 г. Тем интереснее становится вопрос об особенностях освобождения крестьян в уездах столичной и Псковской губерний, непосредственно примыкавших к прибалтийским. В статье дана общая характеристика изучаемого региона, проанализирована степень распространения различных форм эксплуатации накануне реформы. Приводятся уточненные сведения о существовавших в помещичьих хозяйствах структурах крестьянских наделов и платежей и их трансформации в ходе реформы. Делается вывод о существовании параллельно протекавших процессов: сокращении крестьянских наделов и уменьшении платежей. Причем первый процесс заметно опережал второй. Изменения в аграрной сфере привели в последующие годы к широкому распространению аренды и покупки земли с активным участием мигрантов из Лифляндии и Эстляндии, которые приезжали в Петербургскую губернию, уже имея устоявшиеся навыки капиталистического хозяйствования.

Ключевые слова: *реформа 19 февраля 1861 г., западные уезды Российской империи, статистические методы, компьютерные технологии*

Изучение социально-экономических процессов на приграничных территориях обычно вызывает повышенный интерес, поскольку они часто приобретают здесь весьма своеобразные формы. История аграрных отношений на Северо-Западе Российской империи в середине XIX в. не составляет исключения, поскольку в западных уездах Петербургской и Псковской губерний на стыке с губерниями Прибалтики и Великого княжества Финляндского проходила граница русского помещичьего землевладения и неординарная ситуация,

возникшая здесь в ходе реформы 1861 г., еще недостаточно изучена. Интересно, в частности, сравнение экономических последствий реформы в соседних уездах, входивших в состав разных губерний. Хотя реформа 19 февраля 1861 г. в северо-западных губерниях Российской империи в разные годы становилась предметом исследований Г. М. Дейча, Г. И. Койстинен, В. И. Козаченко и С. Г. Кащенко, специально экономическое положение в хозяйствах крестьян на приграничных территориях не анализировалось.¹ Новые возможности в изучении реформы появились у историков после завершения работы по сканированию материалов Ф. 577 (Главное выкупное учреждение Российской империи) РГИА, осуществленной в 2011–2018 гг. сотрудниками этого архива и Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге. Речь идет прежде всего о хорошо известных историкам уставных грамотах, которые в основном были составлены и введены в регионе в 1861–1864 гг. Были отсканированы и сопутствующие им

Кащенко Сергей Григорьевич — д.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
E-mail: s.kaschenko@spbu.ru

Кащенко Елена Сергеевна — к.и.с.с.т.в.е.д.е.н., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
E-mail: e.kaschenko@spbu.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00365 «Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях Российской империи. Опыт применения статистических методов и современных компьютерных технологий» (рук. — С. Г. Кащенко)

¹ Историографию реформы в Псковской и Санкт-Петербургской губерниях см.: Кащенко С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. М.; СПб., 2009.

выкупные документы, однако они в данной работе использованы не были, поскольку либо повторяют сведения уставных грамот, либо относятся к более позднему периоду (середине 1860-х — началу 1880-х гг.). Уставные грамоты содержат важнейшую информацию о численности крестьянского населения, землепользовании и платежах до и после реформы 1861 г. Этот источник не лишен недостатков, связанных прежде всего с погрешностями при определении дореформенных наделов, однако в рассматриваемом регионе эти неточности, как мы покажем далее, не оказывают существенного влияния на расчеты.² В настоящее время эта информация по линиям связи доступна в СПбГУ и активно анализируется исследователями.³ Ее анализ с использованием статистических методов и компьютерных технологий позволил сопоставить вновь полученные уточненные результаты с данными, имевшимися ранее.⁴ В процессе исследования была создана реляционная компьютерная база данных, куда были включены формализованные показатели из отсканированных архивных документов. Информация была обработана методами дескриптивной статистики (включая построение вариационных рядов, группировки, расчет средних показателей и определение степени вариации данных). Были разработаны компьютерные программы, позволившие применить выборочный метод исследования, определить степень репрезентативности сохранившегося материала и построить доверительные интервалы для средних и суммарных значений размеров крестьянских платежей и наделов.

Приграничный с Прибалтикой регион, протянувшийся от Финского залива до Псковского

² Подробно уровень репрезентативности уставных грамот и методы их обработки были описаны в книге: Кащенко С. Г. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. Источники и современные методы их изучения. СПб., 2013.

³ См.: Кащенко С. Г. Президентская библиотека в Санкт-Петербурге — Российский государственный исторический архив: из опыта сотрудничества в 2010-х гг. (О некоторых результатах оцифровки массива документов Главного выкупного учреждения Министерства финансов Российской империи (РГИА. Ф. 577)) // Гуманитарные исследования и цифровая среда: наука и практика. Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронная библиотека». СПб., 2019. Вып. 9. С. 143–151.

⁴ В статье впервые рассчитан ряд обобщающих показателей по региону, а также уточнены и по-новому интерпретированы средние уездные показатели и ряды распределений, приведенные в монографии: Кащенко С. Г. Освобождение крестьян...

озера, включал два периферийных западных уезда Санкт-Петербургской губернии и соседствовавший с ними Псковский уезд, которые соприкасались с Эстляндией и Лифляндией.

В Прибалтике к середине XIX в. аграрный вопрос до конца не был решен, хотя крепостного права здесь уже не существовало. Крестьяне были освобождены без земли, а одной из особенностей социально-экономических отношений в аграрной сфере стало быстро прогрессирующее расслоение в крестьянской среде. Ситуация в эстонской деревне в конце 1850-х гг. складывалась весьма напряженная. Так, в 1858 г. в Северной Эстонии произошло выступление крестьян, проживавших более чем в 70 помещичьих имениях, известное как «война в Махтра». Волнения крестьян недалеко от столичной губернии не могли не оказать влияния на процесс подготовки и реализации реформы 1861 г. Тем интереснее становится вопрос об особенностях освобождения крестьян в уездах, непосредственно примыкавших к прибалтийским.⁵

Остановимся сначала на общей характеристике рассматриваемого нами региона.

Ямбургский уезд, располагавшийся на западе Санкт-Петербургской губернии, гранича по реке Нарове с Эстляндией,⁶ был одним из самых своеобразных периферийных уездов губернии, «дверью» в Европу, через него пролегли дороги из столицы на Ревель, Дерпт и далее на Ригу. К началу 1860-х гг. в Ямбургском уезде проживало почти 52 тыс. жителей. При этом только в сельской местности насчитывалось свыше 34 тыс. помещичьих крестьян, государственных крестьян было около 5,5 тыс., удельных — почти 3,2 тыс.⁷

Уезд считался земледельческо-промышленным. О высоком уровне земледелия свидетельствовало то, что собираемого здесь зерна хватало не только на местные нужды, но и на винокурение и даже на вывоз через Нарву за границу. Часть выращиваемых овощей, фруктов и ягод, молочной продукции шла на продажу в столицу империи, практиковалось высеивание кормовых трав. Значительное число крестьян занималось извозом и лоцманством,

⁵ Захарова Л. Г. Значение крестьянских волнений в 1858 г. в Эстонии в истории подготовки отмены крепостного права в России // Известия Академии наук Эстонской ССР. 1984. Т. 33. С. 24–46.

⁶ Исключением был г. Нарва с небольшой (площадью около 8 кв. верст) окружавшей его территорией на левом берегу реки, который также входил в состав столичной губернии.

⁷ См.: Кащенко С. Г. Освобождение крестьян... С. 98–99.

распространены были отхожие промыслы, работа на фабриках и заводах. На территории уезда к середине 1860-х гг. работал ряд предприятий, хотя сам уездный центр — город Ямбург, занимавший достаточно удобное транзитное расположение, — не отличался ни размерами торговли, ни своими промышленными заведениями. Современники считали Ямбург одним из беднейших уездных городов, развитию которого препятствовал портовый и промышленный город Нарва, расположенный от него в 21 версте, с населением около 6 тыс. жителей, который оттягивал к себе и население, и капиталы.

Самый большой по площади из периферийных столичных уездов — Гдовский, был слабо развит в экономическом отношении. Он находился в юго-западной части губернии и граничил с Эстляндией по реке Нарове. В южной части он примыкал к Псковской губернии, на западе на территории уезда располагались побережья Чудского и Псковского озер, за которыми находилась Лифляндия. Практически на границе уезда располагался уездный центр город Гдов, насчитывавший в начале 1860-х гг. около 2,5 тыс. жителей.⁸ Промышленности в городе практически не было, гдовские мещане предпочитали ловить рыбу в Чудском озере и разводить огороды.

В период проведения реформы 1861 г. в уезде проживало примерно 200 дворян, 19,4 тыс. казенных, 26,7 тыс. удельных и 41,8 тыс. помещичьих крестьян об. п. В основном это были русские, «потомки псковитян», но насчитывалось здесь и около 2,5 тыс. эстонцев.⁹

Территория уезда была обширная и располагалась на побережье, северные и западные углы уезда были в основном болотистые. Возвышенными считались восточная и юго-восточная части, где жители заселили берега рек и озер.

Местные почвы, «бедные питательными веществами», считались в эти годы «мертвыми» для зерновых культур, в силу чего хлебопашество «имело ничтожное развитие». Однако гдовские крестьяне земледелием, хотя и в разной степени, занимались повсеместно. Высеивались в основном серые хлеба, которых не хватало и на местные нужды. На юге уезда выращивали лен, который отправляли в Петербург и Нарву.

Местные жители, как, впрочем, и крестьяне на территории всего Северо-Запада, активно

занимались промыслами. Хотя в уезде и насчитывалось около 60 предприятий, они были незначительными по своим оборотам.

Соседний с Гдовским, Псковский уезд имел общие границы с Лифляндской и Витебской губерниями. По меркам Псковской губернии, это был хорошо развитый в экономическом отношении уезд с центром в старинном губернском городе, заметно выделявшемся на фоне остальных городов региона, с населением около 15 тыс. чел. Среди жителей уезда (без учета Пскова) в середине 1860-х гг. было около 100 дворян, 100 тыс. казенных крестьян и 27,6 тыс. бывших крепостных об. п.¹⁰ Здесь также преобладали русские, однако в западной части уезда проживало около 7–8 тыс. эстонцев.

Рельеф местности представлял собой низменную равнину с песчаными возвышенностями, где концентрировалось население. Почвы были хотя и разнообразны, но невысокого качества. Несмотря на то что земледелие было традиционным занятием крестьян (им не занимались только в ряде сел на берегах Псковского озера), хорошей пашни было относительно немного, и уезд при существовавшей в то время системе обработки земли не мог себя обеспечить зерном.

Отличительной местной особенностью было хорошо развитое льноводство.

Основным занятием населения, наряду с выращиванием льна, считалось рыболовство. Именно рыбная ловля служила частым аргументом помещиков для поднятия размера пореформенных повинностей.¹¹

Крестьянство уезда традиционно занималось промыслами. Несмотря на то что промышленность в уезде была, по мнению статистиков, «маловажна», на фоне соседей она заметно выделялась. К середине 1860-х гг. в самом Пскове работали почти 50 предприятий, а в уезде их было более 60.¹²

Сам Псков уже в 1860-х гг. был значительным транспортным центром, связанным с Санкт-Петербургом, Ригой, Нарвой, Варшавой.

Таким образом, рассматриваемый нами приграничный с Прибалтикой регион в годы перед крестьянской реформой не был однородным в социально-экономическом отношении. Ямбургский и Псковский уезды заметно

⁸ См.: Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863. Т. 1. С. 619.

⁹ См.: Там же. С. 620.

¹⁰ См.: Там же. 1873. Т. 4. С. 241.

¹¹ РГИА. Ф. 577. Оп. 31. Д. 1649, 1664, 1678; и др.

¹² См.: Семенов П. Географическо-статистический словарь... Т. 4. С. 239, 242.

выделялись на фоне отсталого Гдовского уровня развития аграрного сектора, промышленности и торговли.

Небогатый природными ископаемыми, регион тем не менее имел устоявшиеся традиции ведения хозяйства. Здесь были значительные площади земли, которые могли быть использованы в перспективе. Он был выгодно расположен относительно крупных городов, имел хорошие потенциальные возможности для транзита. Для этой территории был характерен достаточно сложный этнический состав населения, который постепенно менялся в пореформенный период.

В обработанных нами уставных грамотах¹³ в Ямбургском уезде в 1860-е гг. было зафиксировано около 16,7 тыс. тяглых и дворовых помещичьих крестьян, записанных в имениях по 10-й ревизии.

Анализ распространения здесь различных форм эксплуатации представляет несомненный интерес, поскольку преобладание оброка, барщины или смешанной повинности свидетельствует об имеющемся к середине XIX в. уровне развития социально-экономических отношений. Так, например, обострение социальной напряженности в Эстляндской губернии в конце 1850-х гг. было связано с введением вспомогательной барщины.

Изучение ситуации в Ямбургском уезде показало, что говорить о заметном преобладании какой-либо одной формы эксплуатации довольно трудно. Здесь имелось калейдоскопическое разнообразие вариантов повинностей, которые несли помещичьи крестьяне.

Около 47% крепостных жили в селениях, где часть крестьянских дворов одного владельца была на барщине, а другая часть платила денежный оброк или состояла на смешанных формах повинности. В дальнейшем будем называть такие имения поместьями комбинированного типа. Были и владения, где все крепостные несли смешанную повинность, одновременно работая на помещика и платя оброк, таких крестьян насчитывалось 14,8%. Эти гибкие, многовариантные формы эксплуатации крестьян свидетельствовали о желании ямбургских помещиков максимально приспособиться к местным экономическим условиям, «оптимизировать» доходы, получаемые от имений. В сумме, если сложить два этих показателя, по-

лучается, что таким смешанным образом эксплуатировалось около 61,8% крестьян.

Конечно, были в уезде и имения, где все крестьяне состояли на какой-то одной форме повинностей: чисто оброчных было 18,1%, барщинных — 20,2%.¹⁴

Можно произвести и перерасчет, «реконструкцию» повинностей. Если число крепостных в ямбургских деревнях комбинированного типа поделить на оброчных, барщинных и состоявших на смешанной повинности в пропорциях, свойственных местным соотношениям их численности, то рассчитанное подобным образом процентное соотношение окажется следующим: оброчных крепостных было 34,1%, барщинных — 38,0% и состоявших на смешанной повинности — 27,8%. В дальнейшем такие пропорции будем называть реконструированными.

В Гдовском уезде распределение повинностей было примерно таким же. Здесь в исследованных нами архивных делах¹⁵ насчитывалось около 20,5 тыс. крепостных м. п. Оброчных среди них было 27%, барщинных — 28%, состоявших на смешанной форме эксплуатации — 14%. В имениях комбинированного типа проживал 31% крепостных. Реконструированное соотношение форм эксплуатации выглядит следующим образом: 39,1% крестьян уезда были оброчными, 40,5% — барщинными, 20,3% — состояли на смешанной повинности.

Дела о выкупе крестьянских наделов в Псковском уезде содержат данные о примерно 13 тыс. помещичьих крестьянах м. п.¹⁶ Оброчных в уезде было 26%, барщинных — 41%, на смешанной повинности состояло — 24%, в имениях комбинированного типа находилось 9% крепостных. «Реконструкция» показала, что доли оброчных, барщинных и состоявших на смешанной повинности крестьян становятся соответственно равными 28,7; 45,0 и 26,3%. Из этого можно сделать вывод, что в псковских имениях преобладала барщина.

Таким образом, оказывается, что все три уезда были не совсем типичными для своих губерний. Действительно, для Петербургской губернии в целом было характерно более заметное распространение оброка. Оброчных крестьян в столичной губернии было 42,4%,

¹⁴ Здесь и далее в тексте, из-за округления процентов, суммарная погрешность может составлять 0,1% (прим. ред.)

¹⁵ Там же. Д. 1–348.

¹⁶ Там же. Оп. 31. Д. 1529–1726.

а барщинных только 26,1%. Для всей псковской деревни характерно большее число барщинных имений, которых насчитывалось около 60%. При этом, например, для таких уездов Псковской губернии, как Великолуцкий и Торопецкий, этот процент достигал уровня 85–90.

Однако для рассматриваемых нами трех уездов губернские границы оказались несущественными, ситуация с распространением различных форм эксплуатации здесь накануне реформы была похожей. Если же рассчитать показатели для всего региона, то доля оброчных становится равной 34,8%, барщинных — 40,9% и находившихся на смешанной повинности — 24,3%.

В настоящей работе мы остановимся на результатах реформы для 1861–1864 гг., к моменту завершения в целом процесса составления уставных грамот.

Изучая экономическое состояние крестьянских хозяйств, исследователи прежде всего обращают внимание на систему крестьянского землепользования и платежи.

Если рассматривать только те ябургские деревни, где можно доверять качеству измерения крестьянских наделов, то средний размер надела получается равным примерно 6,15 дес. на душу м. п.¹⁷ Этот показатель был наивысшим в оброчной деревне (7,23 дес. на душу м. п.) и опускался до 5,51 дес. на душу м. п. у крестьян, состоявших на смешанной повинности.¹⁸

У местных крестьян наделы чаще всего составляли 4–7 дес. и обычно не превосходили 9–10 дес., что было заметно меньше, чем в прочих периферийных столичных уездах.

Дореформенные наделы гдовских крепостных были достаточно точно измерены в 89% случаев. Это также позволяет производить расчеты с высокой точностью. Однако здесь сравнительно чаще, чем в соседних уездах, попадались селения, где размеры дореформенных наделов или не были указаны, или упоминались весьма неопределенно.¹⁹

Всего в уезде на душу м. п. приходилось в среднем 8,67 дес. удобной земли, достигая

¹⁷ Земля в уставных грамотах была достаточно точно указана почти у 97% ябургских крестьян, что является наилучшим показателем для всего Северо-Запада Российской империи. Поэтому мы можем пренебречь погрешностями в расчетах, которые, как оказалось, сопоставимы с ошибками, допускавшимися при измерении земли.

¹⁸ Далее приводятся данные о количестве дес. на душу м. п. (прим. ред.)

¹⁹ См., напр.: РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 153. Л. 220б.; и др.

у отдельных категорий крестьян 9 дес. Дореформенные крестьянские наделы в имениях сильно различались. У некоторых владельцев они могли быть менее 1 дес., у других — превосходили 30 дес.

До реформы средний размер наделной земли, учитывавшейся также весьма точно, в Псковском уезде составлял 5,56 дес. Наиболее высокий надел был в оброчной деревне (5,88 дес.), несколько ниже (5,47 дес.) — в барщинной.

Отметим, что дореформенное распределение душевых наделов показывает значительное разнообразие, однако предельных случаев было немного. Две трети псковских крестьян имели наделы от 3 до 6 дес.

При сравнении всех трех уездов видно, что наибольшие по размеру наделы имели крестьяне Гдовского уезда. Для Северо-Запада России это была обычная ситуация. Большие наделы, обычно превышавшие средние губернские уровни, были характерны и для многих других периферийных слабо развитых уездов.

Наделы в Гдовском уезде заметно превосходили средние размеры в Петербургской губернии в целом (7,27 дес.) и в Псковской губернии (6,19 дес.). Крупные наделы в этом уезде (8,67 дес.) повлияли и на средний размер надела во всем рассматриваемом приграничном регионе, составивший 6,93 дес. Наделы ябургских и псковских крестьян были меньше, чем у гдовских, на 29,1% и 36,6% соответственно.

Распределение дореформенных наделов во всех трех уездах приведено в табл. 1. Здесь отчетливо прослеживается их значительная дифференциация. Размеры наделов зависели в каждом конкретном случае от формы эксплуатации крестьян, их хозяйственных занятий, качества земли, расположения имения и, наконец, от личности помещика.

Рассмотрим теперь пореформенную ситуацию с крестьянскими наделами. Как показали исследования ряда северо-западных губерний,²⁰ здесь наблюдалось несколько общих тенденций, проявившихся в разной степени в отдельных уездах.

Поскольку, в соответствии с «Положениями» 19 февраля 1861 г., только при предоставлении крестьянам высших размеров надела

²⁰ См., напр.: Кашенко С. Г. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года... С. 94, 150, 160; Он же. Отмена крепостного права в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 2012. С. 143; и др.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАДЕЛОВ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЗЕМЛИ
В ПРИГРАНИЧНЫХ С ПРИБАЛТИКОЙ УЕЗДАХ
ДО И ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Размеры надела, дес.*	% от общего числа крестьян до реформы	% от общего числа крестьян после реформы
0–1	0,79	0,04
1–2	1,05	0,53
2–3	2,74	3,97
3–4	10,05	6,94
4–5	17,35	51,16
5–6	18,84	33,48
6–7	14,85	2,14
7–8	7,21	0,28
8–9	9,29	0,40
9–10	4,88	0,16
10–11	3,25	0,43
11–12	1,25	0,27
12–13	2,18	0,05
13–14	0,62	0,00
14–15	1,22	0,00
15–16	0,85	0,12
16–17	0,65	0,00
17–18	0,07	0,00
18–19	0,53	0,03
19–20	0,17	0,00
20–21	0,55	0,00
21–22	0,30	0,00
22–23	0,44	0,00
23–24	0,08	0,00
24–25	0,08	0,00
25–26	0,15	0,00
26–27	0,08	0,00
27–28	0,03	0,00
28–29	0,06	0,00
29–30	0,01	0,00
Свыше 30	0,38	0,00
Всего	100,00	100,00

* Здесь и далее левая граница интервалов включается, а правая — исключается.

помещикам разрешалось устанавливать высший размер оброка, в основном они ориентировались на это условие.

Поднять оброки сверх высшего размера, причем ненамного, можно было в исключительных случаях, получив специальное разрешение. Обычно при этом размер представляемого надела не учитывался. Следовательно, предоставление крупных наделов, превышающих высший размер, было для помещиков в экономическом отношении нецелесообразным.

Прирезка в уездах с высокой стоимостью земли практически не встречалась. Она иногда использовалась для подтягивания небольших наделов к высшему размеру с целью получения максимально возможных платежей, поскольку за предоставление надела менее высшего размера снижалась величина оброка.

Помещики на Северо-Западе в большинстве случаев представляли крестьянам именно высший размер надела, что и определяло в результате и средний размер надела, и пореформенную структуру распределения земли. В ходе реформы обычно происходила нивелировка, усреднение размеров наделов, приближение их к высшему. Из этого следовали потери крестьянской земли, т. к. высшие наделы в основном были существенно меньше дореформенных. Средние размеры крестьянских наделов оказывались значительно сокращенными, при этом деформировалась и их структура.

Рассмотрим теперь, как эти общие для Северо-Запада тенденции нашли отражение в рассматриваемых нами уездах.

Высший размер надела в Ямбургском уезде был установлен в 4,5 дес.²¹ После реформы более 90 % помещичьих крестьян получили усредненные наделы, близкие к этому показателю. При этом средний размер сократился на 28,8 % с 6,15 дес. до 4,38 дес. У крестьян отрезали 31,5 % площади наделов, а прирезали 1,8 %. Отрезки затронули около 84 % крестьян, микроскопические прирезки наблюдались у 14 % бывших крепостных.

После реформы средние наделы разных категорий крестьян заметно выровнялись, стали равны 4,3–4,5 дес., однако процент отрезки различался у разных категорий крестьян. Наиболее существенно пострадали в ходе реформы 97 % оброчных крестьян, у которых было отрезано 41,4 % от площади дореформенных наделов, а прирезки практически не было.

В барщинной деревне у 72 % крестьян было отрезано 36,8 % земли, 26 % бывших крепостных получили увеличенные наделы, но при этом сама прирезка составила только 3,3 %.

Таким образом, здесь произошли весьма крупные потери земли у крестьян одного из самых развитых в экономическом отношении периферийных столичных уездов.

Высший размер надела в Гдовском уезде установили в 5,5 дес. К нему и были «подтя-

²¹ Здесь и далее в тексте земля измеряется в т. н. «казенных десятинах», применявшихся в России в XVIII–XIX вв., 1 дес. = 1,0925 га. (прим. ред.)

нуты» владельцами крестьянские наделы. Их средний размер составил 5,49 дес. (т. е. практически стал равным высшему). Распределение пореформенных наделов показало, что высший надел получили свыше 75 % крестьян.

Здесь произошло сокращение наделов, составившее 36,7 % (с 8,67 дес. до 5,49 дес.). У 79 % бывших крепостных отрезали 39,3 % земли, а 15 % крестьян прирезали 1,5 %. У оброчных крестьян отрезки составили 36,3 %.

Таким образом, несмотря на то что высший размер надела в Гдовском уезде был на десятину больше, чем в Ямбургском, отрезки земли оказались здесь примерно одного порядка (39,3 % и 31,5 %).

Высший размер надела в Псковском уезде был равен 4,5 дес., и это также определило специфику пореформенного наделения земель. Такой надел получили от 60 до 80 % крестьян разных категорий, при этом практически исчезли наделы более 7 дес., сократилось и число наделов менее 2 дес.

В целом по уезду средний надел стал равен 4,3 дес. (сократился с дореформенных 5,56 дес. на 20,5 %), отрезки в уезде достигли 23,6 % и затронули свыше 67 % крестьян. Прирезки у 17 % крестьян составили 2,2 %. У оброчных крестьян было отрезано 24,9 % земли. При этом размеры наделов у разных категорий крестьян выровнялись, составив 4,2–4,5 дес.

Подводя итоги изучения процесса трансформации крестьянских наделов в рассматриваемом регионе, следует отметить, что по столичным меркам процент сокращения наделов в Ямбургском уезде был средним (для сравнения, в подстоличных Царскосельском и Петергофском уездах он составлял около 30 %). Между тем, учитывая ценность земли в уезде, следует признать, что это сокращение было весьма значимым для местных крестьян.

Процент отрезки обычно постепенно рос при продвижении от столицы к периферии. Считается, что наиболее сильный удар по крестьянским наделам был нанесен в периферийных слаборазвитых уездах, среди которых был и Гдовский. Здесь крестьяне потеряли около 37 % своих дореформенных наделов. Учитывая, что условия для развития промыслов были в этом уезде невелики, а сам он был значительно удален от Петербурга, сокращение в аграрном уезде такого количества земли было весьма болезненным. Отсталая столичная периферия испытала в процессе реформы наиболее сильное потрясение, от ко-

торого не смогла полностью оправиться. Крестьянские хозяйства уже в 1870-х гг. оказались здесь наименее благополучными.²²

Можно говорить и об определенном увеличении процента отрезки при продвижении от Пскова на периферию Псковской губернии. В этом плане Псковский уезд с его 20 % отрезки был в более привилегированном положении, чем, например, отдаленный Торопецкий уезд той же губернии, где отрезка была почти вдвое больше. Псковский уезд оказался в наилучшем положении и по сравнению с другими уездами рассматриваемого региона.

Что же касается средних пореформенных размеров наделов, то они в Псковском и Ямбургском уездах стали равны примерно 4,3–4,4 дес., а в Гдовском уезде он стал примерно таким же, как в Псковском уезде до реформы.

Отмеченная выше пореформенная нивелировка, выравнивание размеров наделов под размер высших, установленных «Положениями», свидетельствуют о частичном стирании в крестьянском землепользовании существовавших ранее различий, изменении дифференцированной структуры наделов. Усредненная казенная структура стала базой для последовавшего затем капиталистического расслоения в крестьянской среде.

Особенности этой нивелировки отчетливо видны в данных табл. 1. Поререформенное распределение стало носить бимодальный характер. Здесь в двух интервалах от 4 до 5 дес. и от 5 до 6 дес. были теперь расположены 84,6 % всех крестьянских наделов. Именно в этих интервалах находились высшие размеры наделов. Из табл. 1 также видно, что в процессе реформы фактически исчезли крупные крестьянские наделы.

Перейдем теперь к рассмотрению крестьянских повинностей. Традиционно считается, что дореформенные повинности на Северо-Западе можно точно оценить в денежной форме только в оброчной деревне.

Известно, что в соответствии с «Положениями», владельцы не могли установить в своем имении новые оброки больше существовавших до реформы, при этом они не должны были превышать высший размер.

До реформы в оброчных ямбургских селениях средний размер платежей был весьма велик даже для столичной губернии — 14 руб. 92 коп.

²² См.: Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1889 гг. М., 1978. С. 127.

с души м. п. Для сравнения, для всей Петербургской губернии он был в среднем равен 14 руб. 06 коп. При этом в ямбургской деревне существовал значительный разброс в размерах платежей. Так, примерно каждый десятый крестьянин платил меньше 8 руб., около трети — от 11 до 12 руб., но еще для одной трети крепостных были установлены очень высокие оброки свыше 20 руб. Они встречались в тех поместьях, где были распространены отхожие промыслы, развиты земледелие и садоводство.²³

В процессе реализации реформы произошли существенные изменения как среднего размера, так и структуры крестьянских платежей.

Как и в случаях с крестьянскими наделами, установленный здесь высший 10-ти рублевый размер оброка оказал определяющее влияние на поведение местных помещиков в процессе установления новых размеров платежей. Они, предоставив крестьянам высшие размеры наделов, воспользовались своим правом установить за них 10-рублевые оброки. Высшие размеры платежей были установлены для 80 % оброчных крестьян. При этом средний размер оброка, по сравнению с дореформенным, сократился на 36,2 %. Заметим, что во всей столичной губернии показатель сокращения платежей был примерно таким же — 37,8 %.

Пореформенные повинности 87–98 % дружных категорий крестьян также были близки к высшему размеру. Таким образом, в ходе реформы мы наблюдаем процесс нивелировки крестьянских платежей.

Следовательно, в ямбургской деревне происходили два параллельных процесса — сокращения наделов и уменьшения платежей. Первый приводил к экономическим потерям в крестьянских хозяйствах, а второй приносил им заметное облегчение.

Сравнить эти два процесса позволяет сопоставление размера платежей, приходившихся на десятину наделной земли.

В оброчной деревне в расчете на десятину приходилось до реформы 2 руб. 06 коп. платежей. Этот показатель увеличился после реформы на 7,8 %, и составил 2 руб. 22 коп. Отсюда можно сделать вывод, что сокращение крестьянских наделов несколько опережало сокращение платежей.

До реформы у оброчных крестьян Гдовского уезда платежи составляли 10 руб. 80 коп. с души м. п. и были существенно меньше, чем

у ямбургских крестьян, но высший размер оброка был установлен здесь также в 10 руб. Отметим, что в некоторых селениях, где крестьяне активно занимались рыболовством, помещики предприняли неудачные попытки поднять оброк сверх высшего размера.²⁴

В процессе реализации реформы средний размер платежей в бывших оброчных имениях сократился на 17,5 %, по сравнению с дореформенным, при этом высший размер был установлен для 70–90 % крестьян разных категорий.

Следует отметить, что и здесь сокращение наделов в оброчной деревне превзошло наблюдавшееся уменьшение платежей. Об этом свидетельствует рост почти на 21 % платежей, приходившихся на дес. удобной земли (с 1,34 руб. до 1,62 руб.).

В Псковском уезде крестьянские оброки до реформы составляли в среднем 8 руб. 71 коп. и 1 руб. 48 коп. на дес. наделной земли, при этом колебание их размеров в расчете на ревизскую душу составляло от 1–2 руб. до 20 руб. и выше.

После реформы высший размер оброка был установлен в 8 руб., средний размер сократился на 14,4 %, но на 11,5 % вырос размер оброка в расчете на дес. удобной земли до 1 руб. 70 коп.

Изменилось и распределение пореформенных платежей: у 80–90 % крестьян разных категорий теперь стал встречаться 8-ми рублевый оброк.

Таким образом, в процессе реализации реформы в рассматриваемом регионе произошло заметное стирание различий в средних размерах платежей трех рассматриваемых уездов. Так, если дореформенные платежи в ямбургской и гдовской оброчных деревнях отличались на 4 руб. 12 коп. (14 руб. 92 коп. и 10 руб. 80 коп. соответственно), то после реформы разница сократилась почти в 7 раз до 61 коп. (9 руб. 52 коп. и 8 руб. 91 коп.). Разница в платежах в Псковском и Ямбургском уездах стала не 6 руб. 21 коп. (8 руб. 71 коп. и 14 руб. 92 коп. соответственно), как это было до реформы, а в 3 раза меньше — 2 руб. 06 коп. (7 руб. 46 коп. и 9 руб. 52 коп.).

Сокращение средних платежей в расчете на душу м. п. в экономически развитом Ямбургском уезде было в 2 раза больше, чем в отсталом Гдовском. Средние платежи в расчете на дес. удобной земли были до реформы самыми

²³ РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 1417; и др.

²⁴ Там же. Д. 149.

высокими у ямбургских крестьян, после реформы они возросли только на 7,8 %, что было почти в 2 раза меньше, чем в губернии в целом. В Гдовском уезде они увеличились на 20,9 %. Таким образом, можно говорить о том, что развитый промыслово-аграрный Ямбургский уезд оказался после реформы в более благоприятном положении, чем отсталый Гдовский.

Псковский уезд развивался после реформы несколько иначе. Увеличение обремененности каждой десятины платежами составило 11,5 % с 1 руб. 48 коп. до 1 руб. 65 коп. Этот показатель был примерно равен губернскому в целом.

Представление о трансформации системы платежей во всем регионе дает табл. 2. Здесь так же, как и в случаях с крестьянскими наделами, видна нивелировка размеров платежей, приходившихся на душу м. п.

Таким образом, существовавшая на рассматриваемой территории сложившаяся в течение многих десятилетий система землепользования была существенно деформирована. На смену дифференцированной структуре дореформенных наделов и платежей пришла нивелированная, усредненная структура. Она в течение нескольких пореформенных десятилетий была дополнена прикупленными и арендованными землями.

Проведенная реформа, на наш взгляд, привела к определенному смягчению экономической ситуации в рассматриваемом регионе. Усреднение крестьянских наделов и платежей, выравнивание их размеров не только в рамках одной губернии, но и в соседних уездах смежных губерний привело, в частности, к значительному сокращению числа крестьян с мелкими наделами и уменьшению средних размеров платежей в расчете на душу м. п. На протяжении нескольких пореформенных лет барщинная и смешанная повинности были заменены на денежный оброк. Можно говорить о том, что в процессе реформы ее организаторам в целом удалось предотвратить острые социальные конфликты.

Помещики, потерявшие в платежах, но увеличившие «свою долю» земли, стали охотнее дробить свои земельные владения, продавать участки и сдавать их в аренду.

Вместе с тем усилились и миграционные процессы в крестьянской среде. Бывшие крепостные стали чаще проявлять интерес к возможностям, которые предоставляли им столица и города, и все чаще уходили туда на заработки. Это способствовало образованию

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОВИННОСТЕЙ КРЕСТЬЯН
В ПРИГРАНИЧНЫХ С ПРИБАЛТИКОЙ УЕЗДАХ
ДО И ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Размер повинностей на душу м. п., руб.	% от общего числа оброчных крестьян до реформы	% от общего числа оброчных крестьян после реформы
1–2	0,09	0,00
2–3	0,31	0,31
3–4	1,47	1,17
4–5	0,79	0,40
5–6	6,47	6,49
6–7	4,69	6,55
7–8	11,18	13,91
8–9	7,00	17,01
9–10	9,62	6,47
10–11	13,22	47,69
11–12	14,53	0,00
12–13	7,36	0,00
13–14	1,66	0,00
14–15	3,20	0,00
15–16	2,76	0,00
16–17	3,82	0,00
17–18	0,02	0,00
18–19	2,44	0,00
19–20	1,27	0,00
Свыше 20	8,10	0,00
Всего	100,00	100,00

определенного «вакуума» на местах, который постепенно заполнялся новыми земледельцами. Новая ситуация, сложившаяся в приграничном регионе, оказалась достаточно привлекательной для крестьян соседних Эстляндской и Лифляндской губерний, где, как уже упоминалось, земельный вопрос стоял достаточно остро.

Характерной особенностью пореформенных изменений стали аренда и покупка земли купцами (для них наибольший интерес представляли лесные массивы) и, частично, местными крестьянами и мигрантами из Эстляндии и Лифляндии, которые занимались земледелием. Так, для Псковского уезда стало характерным переселение на его территорию эстонцев и латышей, которые выращивали и обрабатывали лен.²⁵

²⁵ См.: Никулин В. Н. Льноводство в Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX века // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2000. С. 20.

Особенно интенсивно миграционные процессы происходили в Гдовском и Ямбургском уездах. В пореформенное время здесь, на освобожденных от крепостной зависимости территориях, чаще всего стали появляться эстонские переселенцы. Многих из них прежде всего интересовали сравнительно дешевые земли Гдовского уезда.

Современные исследователи отмечают, что эстонцы приезжали в Петербургскую губер-

нию уже имея устоявшиеся навыки капиталистического хозяйствования. Здесь постепенно определилась молочная специализация, «создавались экономии хуторского типа, развивавшиеся по капиталистическому пути».²⁶

Такова была реальная картина, сложившаяся в сфере экономических отношений между помещиками и крестьянами на западных границах русского помещичьего землевладения в середине XIX в.

Sergey G. Kashchenko

Doctor of Historical Sciences, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: s.kaschenko@spbu.ru

Elena S. Kashchenko

PhD in Art History, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: e.kaschenko@spbu.ru

PEASANT REFORM OF 1861 IN THE NORTH-WESTERN DISTRICTS
OF ST. PETERSBURG AND PSKOV PROVINCES BORDERING THE BALTIC AREA.
COMPUTER RESEARCH RESULTS

The article is devoted to the analysis of the results of studies on the economic consequences of the 1861 peasant reform in the Yamburg, Gdov and Pskov districts bordering the Baltic provinces of the Russian Empire. The study was conducted with the application of statistical methods and computer technology. By the mid-nineteenth century in Estland and Livland provinces the agrarian issue has not been resolved, although serfdom no longer existed here. Since the peasants were emancipated without land, there was a high degree of social tension. The peasant unrest in Estonia influenced the process of preparing and implementing the 1861 reform. The more interesting is the question about the features of the serfs emancipation in the districts of the capital and Pskov provinces, directly adjacent to the Baltic provinces. The article gives a general description of the studied region, analyzes the degree of spread of various forms of exploitation on the eve of the reform. Adjusted data on structures of peasant allotments and payments existing in landowner farms and their transformation during reform is provided. The authors concluded that there were two parallel processes: reduction of peasants' allotments and decrease in their payments. And the former process was noticeably ahead of the latter. Changes in the agricultural sector would lead in the following years to a widespread lease and purchase of land with the active participation of migrants from Livonia and Estonia, who came to St. Petersburg province, already possessing established skills of capitalist management.

Keywords: *reform of February 19, 1861, Western districts of the Russian Empire, statistical methods, computer technologies*

REFERENCES

Druzhinin N. M. *Russkaya derevnya na perelome. 1861–1889 gg.* [Russian village at the turning point. 1861–1889]. Moscow: Nauka Publ., 1978. (in Russ.).

Kashchenko S. G. [The Presidential library in Saint Petersburg — Russian state historical archive: experience of cooperation in the 2010s (About some results of digitizing the corpus of documents of The Main redemption institutions of the Ministry of Finance of the Russian Empire (RGIA. F. 577))]. *Gumanitarnye issledovaniya i cifrovaya sreda: nauka i praktika. Sborniki Prezidentskoj biblioteki. Seriya "Elektronnaya biblioteka"* [Humanitarian research and the digital environment: theory and practice. Collections of the Presidential

²⁶ Подробнее см.: Садофьева Н. Н. Переселенческие хозяйства эстонских крестьян Петербургской губернии в 70–80-х годах XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России. С. 1–11.

library. Series “Electronic library”. Saint Petersburg: FGBU “Prezidentskaya biblioteka” Publ., 2019, iss. 9, pp. 143–151. (in Russ.).

Kashchenko S. G. *Ekonomicheskie posledstviya reformy 19 fevralya 1861 goda. Istochniki i sovremennye metody ih izucheniya* [Economic consequences of the reform of February 19, 1861. Sources and modern methods of their study]. Saint Petersburg: Lema Publ., 2013. (in Russ.).

Kashchenko S. G. *Osvobozhdenie krest'yan na Severo-Zapade Rossii* [Emancipation of peasants in the North-West of Russia] Moscow; Saint Petersburg: Alliance-Archeo Publ., 2009. (in Russ.).

Kashchenko S. G. *Otmena krepostnogo prava v Oloneckoj gubernii* [Abolition of serfdom in Olonets province]. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2012. (in Russ.).

Nikulin V. N. [Flax growing in the Pskov province in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii: Mezhevuz. sb. nauch. tr.* [North-West in the agrarian history of Russia: interuniversity collection of scientific works]. Kaliningrad: KGU Publ., 2000, pp. 19–28. (in Russ.).

Sadofieva N. N. [Resettlement farms of Estonian peasants of St. Petersburg province in the 70–80s of the 19th century]. *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii: Mezhevuz. sb. nauch. tr.* [North-West in the agrarian history of Russia: interuniversity collection of scientific works]. Kaliningrad: KGU Publ., 2000, pp. 1–11. (in Russ.).

Zaharova L. G. [The significance of peasant unrest in 1858 in Estonia in the history of preparation for the abolition of serfdom in Russia]. *Izvestiya Akademii nauk Estonskoj SSR* [Proceedings of the Estonian SSR Academy of Sciences], 1984, vol. 33, pp. 24–46. (in Russ.).